

**Языковые
инновации
в переводах,
связанных
с именем
Киприана***

**Татьяна Игоревна
Афанасьева**

С.-Петербургский государственный
университет

**Вячеслав Викторович
Козак**

Институт лингвистических
исследований РАН (С.-Петербург)

**Георгий Анатольевич
Мольков**

Институт лингвистических
исследований РАН (С.-Петербург)

**Евгений Геннадьевич
Соколов**

С.-Петербургский государственный
университет

**Миляуша Габдрауфовна
Шарихина**

Институт лингвистических
исследований РАН (С.-Петербург)

**Language
Innovations in
Manuscripts
Attributed to
Cyprian the
Metropolitan**

Tatiana I. Afanasyeva

St. Petersburg State University

Viacheslav V. Kozak

Institute for Linguistic Studies of
the Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg)

Georgii A. Molkov

Institute for Linguistic Studies of
the Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg)

Evgenii G. Sokolov

St. Petersburg State University

Miliausha G. Sharikhina

Institute for Linguistic Studies of
the Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg)

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, грант № 14-04-00150.

Резюме

В статье рассматриваются языковые инновации, характерные для переводов XIV в., в рукописях, которые в средневековой письменности связывались с деятельностью митрополита Киприана (†1406): Лествица (РГБ, МДА 152), Псалтырь (РГБ, МДА 142) и Творения Дионисия Ареопагита (РГБ, МДА 144). Объем инноваций в каждом из исследованных текстов различен. Минимальный объем инноваций имеет Псалтырь, максимальный — Лествица. Однако объем исправлений в Лествице неравномерен: в начальной части рукописи инноваций больше, чем в конце кодекса. Творения Дионисия Ареопагита в рукописи МДА 144 никак не связаны с деятельностью Киприана: это список перевода старца Исаии из Пантелеймонова монастыря на Афоне. Объем инноваций в этом переводе занимает среднее положение между Псалтырью и Лествицей. Таким образом, атрибутированные одному лицу тексты могут иметь существенные различия в технике перевода, поэтому критерий атрибуции для описания норм литературного языка XIV в. представляется ненадежным. Подобным образом и понятия “афонская норма” и “тырновская норма” весьма размыты и не имеют точных границ. В связи с этим предлагается исследовать переводы XIV в., опираясь на объем языковых инноваций, представленных в конкретном тексте. Этот критерий был успешно применен М. Г. Гальченко при описании орфографических черт второго южнославянского влияния в русских рукописях XIV–XV вв.

Ключевые слова

техника перевода, переводы Киприана, проблемы описания языковых норм церковнославянского языка XIV в.

Abstract

This article deals with the language innovations characteristic of translations of the 14th century as represented in manuscripts regarded by scholars as emanating from the literary activities of Metropolitan Cyprian (†1406): the *Ladder of Divine Ascent*, the Psalter, and the works of St. Dionysius the Areopagite. The number of innovations is different for each of the texts listed above, the Psalter being the least innovative and the *Ladder* the most innovative text. Nevertheless the distribution of corrections in the *Ladder* seems to be irregular, with the initial part containing more innovations than the end of the codex. The works of St. Dionysius the Areopagite represented in MDA 144 (Russian State Library, Moscow) have nothing to do with Cyprian's literary activities, for this manuscript is a copy of a translation made by Isaiah, a monk at the St. Panteleimonos Monastery on Mount Athos. The number of innovations in this translation lies between those seen in the Psalter and in the *Ladder*. Thus, a text attributed to the same person may differ significantly in terms of translation technique, which leads to the conclusion that the so-called attributional criterion is unreliable for a description of the written language of the 14th century. Along the same lines, such notions as the Athos norm and the Tarnovo norm are quite fluid and do not have any strictly defined borders. Therefore we suggest that these 14th-century translations have to be examined in the context of the degree to which they illustrate language innovations in a particular text. This criterion has been already successfully applied by M. G. Galchenko for a description of the orthographic features of the Second South Slavic Influence in Russian manuscripts of the 14th–15th centuries.

Keywords

translation technique, Cyprian's translations, problems of the description of 14th-century Church Slavonic

Киприан, митрополит киевский и всея Руси, — один из самых “книжных” митрополитов в эпоху средневековья: в рукописях XIV–XVI вв. сохранилось много атрибутированных ему текстов. В данной статье мы остановимся на трех рукописях, связанных с именем Киприана. Это хранящиеся в собрании Московской духовной академии (МДА) три кодекса — Лествица [МДА 152], Творения Дионисия Ареопагита [МДА 144] и Следованная псалтырь [МДА 142]. Данные рукописи принадлежали Троице-Сергиевой лавре, о чем можно судить по припискам на полях всех трех рукописей: *сия книга троецкаа сергиева монастыря, а писмо кипреана* [МДА 142], *сергиева монастыря* [МДА 144], *сиа книга святыа живоначалныа троицы сергиева монастыря* [МДА 152]. Рукописи написаны особым типом грецизированного южнославянского полуустава с большим числом греческих букв и греческой системой надстрочных знаков. Подобный почерк был распространен в болгарских рукописях эпохи царя Иоанна Александра (1331–1371) и тесно связан с продукцией Тырновской книжной школы. Таким письмом написан служебник Евфимия Тырновского [НБКМ 231], по имени писца этой рукописи попа Герасима данный тип полуустава Б. Цонев назвал “попгерасимовым” письмом. “Попгерасимово” письмо известно в ряде других болгарских рукописей: НБКМ 675 — “Слова Иоанна Схоластика”, НБКМ 289 — “Синодик царя Борила” и др. [Коцева 1971: 369–401]. Список рукописей, написанных грецизированным полууставом, в списке Е. Коцевой довольно велик: сюда вошли почерки, которые испытали влияние начерков попгерасимова письма.

Изучению орфографии рукописей из собрания МДА, связанных с именем Киприана, посвящена специальная статья [Князевская, Чешко 1980]. В ней высказано мнение, что только одна из рукописей, Лествица, могла быть написана Киприаном, другие же рукописи по филиграммам датируются XV в. и непосредственно не связаны с митрополитом. Несомненно, что рукопись МДА 152 (Лествица) стоит особняком от двух других манускриптов, потому что имеет приписку о том, что она была переписана в лето 6895 (1387) в Студийском монастыре Киприаном: л. 280об. въ лѣтѣ $\text{Ϡ} \overline{\text{w}} \overline{\text{c}} \overline{\text{e}}$ априліа кд съвръшишѣ с сіа книги в студійскон обитѣли кипріаном смѣреннымъ митрополитомъ киевскимъ и всеа рwsіа. Почерк приписки полностью идентичен почерку основного текста, и филиграммы рукописи соотносятся со временем ее написания.

Другие рукописи, *МДА 142* и *МДА 144*, не могли быть созданы при непосредственном участии Киприана, однако они могут иметь отношение к его переводам, и поэтому в данной статье проведено сравнение техники перевода указанных трех текстов с целью определения их языковых особенностей в сравнении с “Уставом Божественной литургии” и с литургиями в Служебнике Киприана [*Син.601*] (см. о нем: [Афанасьева 2004: 116–119; Панова 2009: 193–229]). Служебник Киприана, написанный традиционным русским уставом, в технике перевода следует за традициями Тырновской книжной школы: в начальной его части, где записаны литургии, обнаруживаются многие переводческие решения из Служебника Евфимия Тырновского [*НБКМ 231*], к которым добавлены и оригинальные переводческие приемы. Наличие схожей техники перевода в списках Лествицы, Псалтыри и Творений Дионисия Ареопита позволит ответить на вопрос, связаны ли указанные тексты с Тырновской книжной школой и переводческой деятельностью Киприана.

В качестве инноваций в переводах Евфимия и митрополита Киприана выступают следующие характерные особенности: 1) послелог *ради* употребляется в качестве предлога в соответствии с греческим предлогом *διὰ* [Чешко 1982: 92; Афанасьева 2004: 94–95]; 2) появляется славянская калька греческой формы запретительного конъюнктива (*coniunctivus prohibitivus*), которая в предшествующей переводческой традиции передавалась формой повелительного наклонения с отрицательной частицей *не* [Афанасьева 2004: 62–63]; 3) активизируется употребление местоимения *тъ* в функции личного в косвенных падежах: *того, томъ; томуъ, тон*, — тогда как ранее были более частотны употребления местоимения *его, еа; емоу, еи* и под. [Афанасьева 2004: 63–64; Панова 2009: 146–148]; 4) наблюдается отказ от употребления двойственного числа и замена его множественным по модели греческого языка [Афанасьева 2004: 194; Пентковская 2009: 333–337; Панова 2009: 144–146]; 5) активизируется употребление энклитических форм местоимений в дательном падеже *ми, ти, си* в качестве притяжательных в соответствии с греческими притяжательными клитиками *μου, σου* вместо традиционной формы *мон, твои, свои* [Афанасьева 2004: 97–100]; 6) употребляются формы перфекта вместо аориста во 2-м лице ед. числа в соответствии с греческими аористом 2-го лица ед. числа и причастием [Карачорова 1989: 177–179]; 7) калькируются греческие инфинитивные конструкции с предлогами [Афанасьева 2004: 104–105; Панова 2009: 155–158]. Некоторые особенности в переводческой технике Тырновской книжной школы продолжают и поддерживают традицию ранних грецизированных переводов, таких как Норовская псалтырь и Чудовский Новый Завет [Пентковская 2009А]. В области словообразования,

грамматики и синтаксиса продолжается сближение с греческим языком, в то время как в лексике грецизмы последовательно вытесняются славянскими кальками.

1. Лествица Киприана [МДА 152]

Рукопись Лествицы, переписанная Киприаном в 1387 г. в Студийском монастыре, содержит текст, относящийся к афонскому переводу, осуществленному в болгарской языковой среде [Мострова 1991: 73]. При исследовании особенностей перевода производилось частичное сравнение с рукописью Лествицы *Гильф.48* сер. XIV в., созданной писцом Марком и относящейся к “тырновскому” переводу [Попова 2010: 142–143]. Поскольку использовался сравнительно небольшой материал, выбранный из начала, середины и конца рукописи [лл. 1–10; 66–77; 103–129об.], представленные выводы могут считаться только предварительными. Тем не менее они не случайны и позволяют говорить об определенных тенденциях в технике перевода. Греческий текст привлекался по изданию Ж.-П. Миня [Migne 1864: 623–1164].

1.1. Употребление **ради** в качестве предлога

Во взятой для исследования части Лествицы, как будет показано ниже, **ради** встречается и в постпозиции, и в препозиции, при этом не соответствует греческому *διά* механически, а используется в соответствии с контекстом.

В качестве предлога **ради** зафиксирован в следующих контекстах: **прѣмѣненіе гнѣ ради съпротивныхъ съгрѣшеніомъ блгодѣаніи** [МДА 152: л. 66] — *διαλλαγή Κυρίου, διά τῆς τῶν ἐναντίων τοῖς πταιίσμασιν ἀγαθῶν ἐργασίας* (следует отметить, что такая же модель использована для перевода этого места и в *Гильф.48* [л. 61об.]); **яко же мечемъ печалиа иже ради лювве бжїа** [л. 76об.] — *ὅποδ ξίφους τῆς δι' ἀγάπην Θεοῦ λύπης; ради чювестъвныхъ мыслънаа исправивъ* [л. 111об.] — *διά τῶν αἰσθητῶν τὰ νοητὰ κατορθωκῶς*.

Нередко, однако, встречаются примеры традиционного, постпозитивного употребления: *οἱ διά τῶν πτωμάτων κατακείμενοι* переводится как **иже паденіи ради лежжщєи** [л. 66об.], то же и в *Гильф. 48*; **сего ради и гѣ** [л. 77] — *Διά τοῦτο καὶ ὁ Κύριος*; **прощеніа ради** [л. 104об.] — *διά συγχώρησιν*; **инъ пищж ради слъга** [л. 110об.] — *ἄλλος διά τρυφήν ἐφεύσατο*; **и дрүгыи сластолюбїа ради** [л. 100об.] — *ἕτερος διά φιληδονίαν*; **скждства ради въпїетъ** [л. 113об.] — *κεχορησμένη γὰρ οὕσα ἐνδειαν ἀναβοᾶ*.

В МДА 152, как и в *Гильф.48*, есть примеры перевода *διά* без слова **ради** (что семантически вполне оправданно): **иже ба паки себѣ вбращеніемъ истиннымъ прѣмѣнити хотѣщєи** [л. 66об.–67] — *οἱ τὸν Θεὸν πάλιν*

1.3. Употребление славянских энклитик в соответствии с *μου, σου*

На начальных листах рукописи притяжательное местоимение *σου* чаще передается энклитической формой **ти**: **ѢГОГЛѢВЫМ ТИ ѦЗЫКОМЪ** [л. 1об.] — *τῆ θεορρήμονι σου γλώττη; чистомон и смѣренному ти срѣцон* [л. 2] — *καθαρᾶ καὶ τεταπεινωμένῃ σοῦ καρδίᾳ, κτ̄̄ прп̄дѣвномон ти повелѣнїон* [л. 2об.] — *πρὸς τὴν πανόσιόν σου κέλευσιν*.

Однако к середине текста эта тенденция ослабевает, и большинство греческих энклитик переведено полноударными формами: **показа дшїи моени** [л. 66об.] — *ὕπεδειξε τῆ ψυχῆ μου; вѣнемлѣте братїе моа ѡ сїи слово моє* [л. 66об.] — *Προσέχετε, ἀδελφοί μου, τούτω τῷ λόγῳ μου; гдє сжть милости твоа древнаж гї* [л. 75] — *ποῦ εἰσι τὰ ἐλέη σου τὰ ἀρχαῖα, Κύριε; надѣ главоа срѣдца моего* [л. 75] — *ὕπερ κεφαλῆς τῆς καρδίας μου*. Из приведенных примеров следует, что в Лествице Киприана используется как традиционная норма перевода *μου, σου* полноударными формами, так и инновационная — энклитическими формами дательного падежа **ми, ти**. Правка по этому критерию не была проведена по всему тексту, она охватила лишь его начало.

1.4. Coniunctivus prohibitivus

В Лествице, переписанной Киприаном, можно обнаружить новую норму перевода греческого запретительного конъюнктива конструкцией “**да не** + изъявительное наклонение”: **да не несподовиши** [л. 1об.] — *μὴ ἀπαξιώσης; да не паростїа твоєа обличїши насъ ниже гнѣвомъ твоимъ покажешї насъ* [л. 69] — *μὴ τῷ θυμῷ σου ἐλέγξης ἡμᾶς, μηδὲ τῆ ὀργῆ σου παιδεύσης ἡμᾶς; да не опечалиши повѣстника* [л. 110] — *μὴ λυπήσης τὸν ἐξηγητὴν; да не обѣжавиши себе вѣолюбезнѣиша* [л. 110] — *μὴ φανερώσης σεαυτὸν φιλοθεώτερον*. Отметим, что в рукописи *Гильф.48* чаще сохраняется старая норма, например: **не паростїа твоєа обличи насъ, ниже гнѣвомъ твоимъ покажи насъ** [л. 63об.].

Традиционный способ перевода конструкцией “**не** + повелительное наклонение” в *МДА 152* имеется, но число таких примеров незначительно: на выбранном отрезке встретились следующие: **не дивиса о немъже хоцж глѣти** [л. 65] — *Μὴ θαμβηθῆς, ἐφ’ ᾧ μέλλω λέγειν; не закосни* [л. 110] — *μὴ χρονίσης; не вѣрши* [л. 121] — *μὴ πιστεύσης; не впован* [л. 121] — *μὴ θαρρήσης; не забываи са самъ* [л. 127] — *μὴ λάθης σεαυτὸν*. По нашим наблюдениям, после 120 листа такие случаи учащаются.

1.5. Перевод 2 sg. aoristi

В начале рукописи (текст послания райфского игумена Иоанна к Иоанну Синайскому) второе лицо греческого аориста лишь один раз передается славянским перфектом: **чюдодѣиствовалъ еси** [л. 1об.] — *ἐθαυματούργησας*.

1.8. Инфинитивные конструкции

Греческие инфинитивные конструкции с артиклем в тексте Лествицы калькируются славянскими инфинитивными моделями. Так, субстантивированный инфинитив со значением цели τοῦ + inf. переведен конструкцией **еже** + инфинитив: **еже послати намъ** [л. 1] — τοῦ ἐπιστεῖλαι ἡμῖν; **изътрезвишиша еже не сждити съгрѣшашаго** [л. 106] — ἐκνήψεις τοῦ μὴ κρίνειν τὸν πταίοντα; **г҃ла же еже не сждити** [л. 106об.] — λέγω δὲ τὸ μὴ κρίνειν; **тѣмъ самѣмъ мнѣшимъся привѣходоа еже сждити** [л. 108] — καὶ αὐτοῖς τοῖς πνευματικοῖς εἶναι δοκοῦσι παρεισδύον τὸ κρίνειν; **еже не сподовити того члѣьскому погребенію** [л. 73] — τοῦ μὴ καταξιωθῆναι αὐτὸν ἀνθρωπίνης ταφῆς.

ἐν τῷ + inf. переводится конструкцией **внегда** + инф.: **азъ же внегда вѣсомъ ратовати на ма** [л. 117] — ἐγὼ δὲ ἐν τῷ τοὺς δαίμονας παρενοχλεῖν μοι.

διὰ τὸ + inf. передается по-славянски с помощью **за еже** + инф.: **за еже помыслъ сътворити** [л. 23] — διὰ τὸ τὸν λογισμὸν ποιῆσαι; **за еже трыды даати ми** [л. 136об.] — διὰ τὸ τοὺς κόπους μοι παρέχειν; **за еже осждати лѣнныя** [. . .] **осждатъся** [л. 57об.] — διὰ τοῦ κρίνειν τοὺς ῥαθύμους.

μετὰ τὸ + inf. калькируется конструкцией **по еже** + инф.: **по еже спѣтиса** [л. 24об.] — μετὰ τὸ σωθῆναι; **Монси, по еже ба въ кжпннѣ видѣти** [л. 79] — Μωϋσῆς μετὰ τὸν Θεὸν ἐν τῷ βᾶτῳ ιδέσθαι.

Итак, в Лествице Киприана по рукописи *МДА 152* встречаются как архаичные, так и новые черты перевода, причем архаизмы занимают не менее заметное положение, чем черты новые. Инновациями следует признать: употребление **ради** в препозиции; **тъ, та, то** в качестве соответствия греческому αὐτός; славянскую кальку греческого запретительного конъюнктива; единичный случай перевода второго лица аориста перфектом со связкой; калькирование греческих инфинитивных конструкций и вообще точное копирование порядка следования значимых элементов греческого текста; использование окончания творительного падежа множественного числа **-ьми** для существительных ***ѡ**-склонения, а также стремление к унификации средств перевода. К архаичным же чертам следует отнести: употребление **ради** в качестве послелога; неоднозначный способ передачи греческого αὐτός; перевод 2 sg. aor. не перфектом со связкой, а аористом; сохранение двойственного числа.

2. Киприановская псалтырь [МДА 142]

Характеризуя славянские редакции Псалтыри, В. А. Погорелов отнес Киприановскую псалтырь к **и с п р а в л е н н о й** (или **н о в о й**) редакции, которая, по его мнению, была создана следующим образом: справщик “взял текст Псалтыри, принадлежащий к русской редакции, и исправил

его, стараясь приблизить к первоначальной редакции” [Погорелов 1901: 35], отраженной в Синайской псалтыри. Влияние первоначальной редакции проявилось в основном в лексике, однако в Киприановской псалтыри прослеживается тенденция к выбору определенного соответствия греческой лексеме, в то время как в первоначальной редакции перевод одного и того же греческого слова мог варьироваться. Следование русско-й редакции отражено в замене древнейших глагольных и отчасти именных форм новыми [Погорелов 1901: 34–35]. В. А. Погорелов иллюстрирует данное положение, указывая на замену форм именного склонения (*въ сьньмѣ боговъ* вместо *въ сонмѣ бѣ*) и замену аориста перфектом. Примечательно, что из четырех примеров замен второго типа, приведенных исследователем, в Киприановской псалтыри нами обнаружена только одна (*покрылъ еси* [л. 76об.] вместо *покры* [л. 113б]). Кроме этого, В. А. Погорелов выявил в редакторской работе стремление приблизить текст к греческому оригиналу и привел в качестве примера употребление *еже* на месте артикля при инфинитиве, а также использование инфинитива в соответствии с греческим инфинитивом: *во еже спсѣти* — *ἐν τῷ σωσαι*, в первоначальном переводе — *да спсѣши*. Между тем Киприановская псалтырь в данном чтении отражает другой перевод конструкции *ἐν τῷ + inf.* — *спсѣти* [л. 73]. В. А. Погорелов предположил, что и с п р а в л е н н а я редакция возникла в Болгарии, по ряду характерных признаков: наличию болгаризмов, атрибуции одного из списков Киприану, а также по соблюдению переводческих принципов Тырновской книжной школы [Погорелов 1901: 36].

Сравнение текстов Псалтыри афонской редакции и Киприановской, проведенное Е. В. Чешко, позволило сделать вывод о том, что текст Киприановской псалтыри относится к отдельной редакции. Он основан на выявленных разночтениях между языком Киприановской псалтыри и других редакций (архаической, афонской и редакцией Норовской псалтыри). При этом исследовательница отмечает, что Киприановская псалтырь, как и другие псалтыри новой правленной редакции, восходит к святогорской редакции [Чешко 1982: 80]. Ряд разночтений был выявлен и между текстами Киевской и Киприановской псалтырей, что позволило “предположить, что Киприановская редакция к моменту написания Киевской псалтыри (1397 г.) уже существовала” и, вероятно, “идет от самого Киприана” [там же]. Однако приведенный Е. В. Чешко иллюстративный материал не позволяет определить характер и происхождение редакции, отраженной в Киприановской псалтыри, так как большая часть разночтений характеризует лексический уровень. Исследовательница указывает на “значительное число совпадений с Норовской псалтырью”, приводя в качестве примера следующие явления: 1) употребление сложных

слов, например: **законоположитъ** [л. 21] — νομοθετήσῃ; 2) употребление послелога **ради** как предлога, например: **ради бл̑гости твоеѧ** [л. 21]; 3) перевод греческой конструкции ἐν τῷ + inf. с помощью инфинитивного оборота с дательным субъекта, например: **вънегда въздѣти ми** [л. 23] — ἐν τῷ ἄρειν με; 4) калькирование греческого глагольного управления, например: **възбрани борѡщиѧ мѧ** [л. 28об.] — τοὺς πολεμοῦντάς με; **спротивъ гонѡщихъ** [л. 28об.] — ἐξ ἐνάιας τῶν καταδιωκόντων με; 5) перестановку местоимения в соответствии с греческим текстом, например: **ѧко аще врагъ поносилъ ми** [л. 47] — ὅτι ἐχθρὸς ὠνειδισέν με; 6) передачу греческого артикля при инфинитиве с помощью местоимения **еже**, например: **еже не съгрѣшати** [л. 34] — τοῦ μὴ ἁμαρτάνειν. Данные совпадения Е. В. Чешко объясняет тем, что Киприан при создании новой редакции либо имел рукопись, близкую к Норовской псалтыри, либо пользовался общими с ее составителем приемами, позволяющими приблизить текст к греческому оригиналу [Чешко 1982: 86–92].

Исследование особенностей перевода в Киприановской псалтыри, предпринятое в настоящей статье, основано на изучении языка отдельных псалмов [лл. 5–10об., 17об.–18, 20об.–21об., 27об.–28об., 30–32об., 68–72, 91об.–92об., 101–102об., 107об.–115об.], в связи с этим представленные результаты необходимо считать предварительными. Для выявления возможных источников происхождения редакции Киприановской псалтыри к исследованию был привлечен материал рукописей Синайской псалтыри (как представляющей архаическую редакцию) и Норовской псалтыри.

2.1. Употребление **ради** в качестве предлога

Одно из рассматриваемых нами явлений касается употребления послелога **ради** на месте греческого *διά*. Несмотря на то, что всего отмечено девять случаев, среди них встречаются примеры, в которых **ради** находится в препозиции: **ради м̑ти твоеѧ** [л. 6об.], **ради бл̑гости твоеѧ** [л. 21], **ради имени твоего** [л. 21]. Эта черта объединяет редакцию Киприановской и Норовской псалтырей.

2.2. **тъ, та, то** в качестве личных местоимений

В языке Киприановской псалтыри на морфологическом уровне, за редкими исключениями, сохраняются черты древнего перевода. Так, греческое *αὐτός* в функции личного местоимения в косвенных падежах переводится с помощью местоимения **и**: **кльнѡщен же его** [л. 32] — οἱ δὲ καταρώμενοι αὐτόν, **прииде̑ емѧ** [л. 102] — ἦξει αὐτῷ, **проведе̑ нхъ** [л. 69] — διήγαγεν αὐτούς, **ище̑ еже ѡмрътвити его** [л. 32об.] — ζητεῖ τοῦ θανατῶσαι αὐτόν и др. В именительном падеже местоимение *αὐτός* в шести случаях

из семи переводится с помощью местоимения **тѣ** [л. 80б., 21, 31, 70, 92, 110], в одном случае — **сь** [л. 110]. Данная черта наблюдается и в параллельных чтениях Норовской псалтыри.

2.3. Употребление славянских энклитик в соответствии с *μου, σου*

Греческие притяжательные местоимения *μου, σου* переводятся только с помощью полноударных форм: **дѣши мои** [л. 5] — *τῆ ψυχῆ μου*, **силоа твоѣа** [л. 170б.] — *ἐν τῆ δυνάμει σου*, **въ ѡстѣхъ мои^x** [л. 270б.] — *ἐν τῷ στόματι μου*, **плѣтъ моа** [л. 1020б.] — *ἡ σὰρξ μου*.

2.4. Coniunctivus prohibitivus

Случаи перевода греческого *coniunctivus prohibitivus* 2-го лица ед. числа единичны (всего три), однако в одном случае отмечено использование новой конструкции “**да не + индикатив**”: **да не паростиа твоѣа обличиши мене. ниже [. . .] покажеш миене** [л. 60б.] — *μὴ τῷ θυμῷ σου ἐλέξῃς με, μηδὲ [. . .] παιδεύσης με*. В текстах Норовской и Синайской псалтырей в параллельных чтениях представлена старая конструкция “**не + императив**”.

2.5. Перевод 2 sg. aoristi

Греческому аористу 2-го лица ед. числа почти всегда соответствует перфектная форма: **враждѡщѡ ми [. . .] съкрѡшилъ еси** [л. 5–50б.] — *πάντας τοὺς ἐχθραίνοντάς μοι [. . .] συνέτριψας*; **ѡслыша ма** [л. 109] — *ἐπήκουσάς μου*; **въселилъ ма еси** [л. 6] — *κατώχισάς με*; **прѣварилъ еси** [л. 170б.] — *πρόφθασα*. То же наблюдаем и в чтениях Норовской и Синайской псалтырей¹.

2.6. Двойственное число

В тексте достаточно последовательно, за исключением единичных случаев, передается двойственное число имен существительных и глаголов: **въ ржкѡ моею** [л. 7], **въ дѣлѣхъ ржкѡ своею** [л. 9], **колѣнѣ мои** [л. 1020б.], **вчи мои исчезостѣ** [л. 113], **ѡрыгостѣ ѡстнѣ мои** [л. 115], но: **да прѣданъ вѣде^t въ ржцѣ твои** [л. 10], **не давшего въ сматненіе ногъ моихъ** [л. 550б.].

2.7. Формы творительного пад. мн. числа существительных *ѡ-склонения

В исследованных контекстах встречается только традиционное окончание творительного падежа мн. числа для существительных *ѡ-склонения

¹ Примечательно, что в отношении языка Норовской псалтыри авторы издания данного текста отметили обратное явление — тенденцию к точной передаче греческих глагольных форм [Норовская псалтырь 1989: 69].

(включая и бывшее *ŷ-склонение) -ы: прѣд сны члѣсьскими [л. 25об.] — ἐναντίον τῶν υἱῶν τῶν ἀνθρώπων; поскрежеташъ намъ зъбы своими [л. 29об.] — ἔβρουσαν ἐπ' ἐμὲ τοὺς ὀδόντας αὐτῶν; расны златыми одѣанна [л. 40] — ἐν χρῶσσωτοῖς χρυσοῖς περιβεβλημένη.

2.8. Инфинитивные конструкции

При переводе конструкции ἐν τῷ + inf. чаще используется конструкция **вънегда + инф.**: **вънегда^д възвратити сѧ врагѸ моем⁸ въспѧ** [л. 80б.] — ἐν τῷ ἀποστραφῆναι τὸν ἐχθρόν μου εἰς τὰ ὀπίσω, **вънегда привлѣщѣи** [л. 10] — ἐν τῷ ἐλκύσαι αὐτόν, **вънегда потрѣвлѣти сѧ грѣшникѸ^м** [л. 32об.] — ἐν τῷ ἐξολοθρευέσθαι ἀμαρτωλοὺς ὁ φει. Во всех зафиксированных случаях в чтениях Норовской псалтыри встречается та же конструкция. Наряду с указанной выше конструкцией при переводе ἐν τῷ + inf. употребляется и сочетание **вънегда + индикатив**: **вънегда възовѧ** [л. 50б.] — ἐν τῷ κεραιγένοι με, **тогда не постыжѧ сѧ, егда призва на всѧ заповѣди твоѧ** [л. 108] — τότε οὐ μὴ αἰσχυνθῶ ἐν τῷ με ἐπιβλέπειν ἐπὶ πάσας τὰς ἐντολάς σου. Единоразы при переводе данной греческой конструкции использовано сочетание с существительным: **въ грѣдѣсти нечѣстиваго** [л. 90б.] — ἐν τῷ ὑπερηφανεύεσθαι τὸν ἀσεβῆ. Конструкция **во еже + инф.** при переводе ἐν τῷ + inf. не зафиксирована.

Наиболее частотным средством для перевода конструкции τοῦ + inf. является инфинитив: **напрагошъ лжкъ свон. състрѣвлѣти ѡбога и нища. заклати правыѧ срѣцемъ** [л. 31об.] — ἐνέτειναν τόξον αὐτῶν τοῦ καταβαλεῖν πτωχὸν καὶ πένητα, τοῦ σφάξαι τοὺς εὐθεῖς τῆ καρδία, **погна члѧ нища и ѡбога. и смѣрена срѣце^м, ѡмртѣвити** [л. 102] — κατεδίωξεν ἄνθρωπον πένητα καὶ πτωχὸν καὶ κατανευγμένον τῆ καρδία τοῦ θανατῶσαι, **ѡврати очи мон, не видѣти счѣты** [л. 109] — ἀπόστρεψον τοὺς ὀφθαλμοὺς μου τοῦ μὴ ἰδεῖν ματαιότητα. Почти всегда такой же способ перевода наблюдается и в Синайской псалтыри. В некоторых случаях (всего четыре из девятнадцати) в Киприановской псалтыри встречается и конструкция **еже + инф.**: **нищѣ^т еже ѡмртѣвити его** [л. 32об.] — ζητεῖ τοῦ θανατῶσαι αὐτόν, **възнесе^т тѧ еже наслѣдити землѧ** [л. 32об.] — ὑψώσει σε τοῦ κατακληρονομηῆσαι γῆν, **ондръжи [..] ѡстнѣ свон еже не глати льсти** [л. 28] — παῦσον [..] χεῖλῃ σου τοῦ μὴ λαλῆσαι δόλον.

Таким образом, рассмотрение грамматических явлений в языке Киприановской псалтыри позволяет отметить, с одной стороны, сохранение многих особенностей архаической редакции Псалтыри, что отражается преимущественно на морфологическом уровне. С другой стороны, ряд черт (в основном синтаксических) сближает Киприановскую псалтырь с Норовской. Однако синтаксические явления, объединяющие указанные тексты, проявляются непоследовательно. Данное обстоятельство

позволяет предположить, что редактор скорее использовал некоторые приемы, знакомые и составителю редакции Норовской псалтыри и сближающие славянский текст с греческим оригиналом, нежели саму рукопись, относящуюся к той же редакции, что и Норовская псалтырь.

3. Творения Дионисия Ареопагита [МДА 144]

Г. М. Прохоров относит рукопись МДА 144 к числу древнерусских списков перевода сочинений Дионисия Ареопагита, выполненного сербским иноком Исайей в 50–60-е гг. XIV в. [Прохоров 1988: 491–492]. Древнейшим списком перевода Исайи является рукопись сербского происхождения [Гильф.46]. Сопоставление рукописей МДА 144 и Гильф.46 по изданию показало, что различия этих двух списков ограничены только орфографическими особенностями, описанными О. А. Князевской и Е. В. Чешко. Исследователи пришли к выводу, что рукопись МДА 144, “наряду с среднеболгарскими особенностями, содержит приметы сербского и, очевидно, русского извода” [Князевская, Чешко 1980: 284]. Текст МДА 144 буквально совпадает с текстом древнейшего списка, поэтому все особенности переводческой техники, свойственные переводу сочинений Дионисия Ареопагита, принадлежат сербскому переводчику старцу Исайе, отождествляемому традиционно с игуменом монастыря св. Пантелеймона на Афоне. Особенности перевода сочинений Дионисия Ареопагита на лексическом и словообразовательном уровнях посвящено специальное исследование А. Л. Соломоновской. Автора работы интересует достаточно узкая проблематика, связанная с характерным для Афонской переводческой школы стремлением найти структурное (на уровне морфемного состава слова) и частеречное соответствие оригиналу [Соломоновская 2005: 53].

Для установления свойственных МДА 144 особенностей была произведена сплошная выборка материала в тексте 1-й и 2-й глав трактата **W** небеснѣмь сѣнноначалствѣ [лл. 8–22]. Примеры с редко встречающимися формами были выбраны также из остальной части того же трактата, из текста трактата **W** бжвныхъ именехъ [лл. 23–262] и послания **I**ωαννου β̄γ̄словου ιεν̄гел̄ист̄ϛ [лл. 422–424]. Параллельный греческий текст приводится по изданию [Migne 1857: 119–145].

3.1. Употребление **ради** в качестве предлога

Предлог **διά** + Gen. переводится вариативно. В некоторых случаях в соответствии с древней нормой он переводится послелогом **ради**: **назданіи ради** [л. 11об.] — **διά τῶν πλασμάτων**; **извѣстнааго ради** [л. 21об.] — **διά τῆς ἀκριβοῦς**, **видимыхъ ради** [л. 21об.] — **διά τῶν φαινομένων**; **таніствный ради** **назданіи** [л. 26] — **διά τῶν μουσικῶν ἀναπλάσεων**; **тѣхъ ради** [л. 47]

— δι' αὐτῶν; см. также использование послелога при переводе ἀμέλει — **сего ради** [л. 14об.], οὐκοῦν — **сего ради** [л. 23] и ὥστε — **того ради** [л. 21].

Однако чаще διὰ + Gen. переводится беспредложным творительным пад.: **еже недовѣдомыми и сѣнными гаданми** [л. 14] — τὸ δι' ἀπορρήτων καὶ ἱερῶν αἰνιγμάτων; **пѣдовными происхода** [л. 14об.] — διὰ τῶν ὁμοίων προῶν; **еже ѿличными назданми изъясненіе** [л. 15об.] — ἡ διὰ τῶν ἀνομοίων ἀναπλάσεων ἐκφαντορία; **посрѣдствомъ** [л. 29] — διὰ μέσων; **присными приказъными** [л. 62 об.] — δι' οἰκείων παραδειγμάτων, **иже искръниѣ к трои имащїими** [л. 62об.] — διὰ τῶν οἰκείως πρὸς αὐτὴν ἐχόντων; также возможны и другие варианты перевода διὰ: **почто** [лл. 31об., 57об., 59об., 60об.] — διὰ τί; **скрозъ всѣхъ** [л. 61] — διὰ πάντων.

Вариативен и перевод διὰ + Acc., но соотношение вариантов перевода наблюдается иное, чем для διὰ + Gen. В редких случаях для перевода διὰ Исаяи использует предлог **ради**, и все они в просмотренном тексте приходятся именно на διὰ + Acc.: **ради нестѣмѣснаго и неизмѣннаго, бжвныи доброты рачителѣства** [л. 18] — διὰ τὸν ἀμιγῆ καὶ ἀναλλοίωτον τῆς θείας καλλονης ἔρωτα; **ради промышлѣмынхъ самовластїа** [л. 51об.] — διὰ τὴν τῶν προνοουμένων αὐτεξουσιότητα; **ради пожигателнаго** [. .] **ѿраженїа** [л. 61] — διὰ τὴν πρηστήριον [. .] ἀνάρεσιν; **ради того въ еже выти сжщїимъ** [. .] **бл҃гости** [л. 88об.] — διὰ τὴν αὐτῆς εἰς τὸ εἶναι τὰ ὄντα [. .] ἀγαθότητα; **ради добра и бл҃га сжтѣ** [л. 144] — διὰ τὸ καλὸν καὶ ἀγαθὸν ἔστι; **бл҃го бл҃гаго ради бл҃гаго** [л. 145об.] — ἀγαθὸς ἀγαθοῦ διὰ τὸ ἀγαθόν. В примере на л. 88об. выбор для перевода предлога, возможно, обусловлен дистантным расположением διὰ.

В сочетании с Acc. διὰ также может переводиться беспредложным твор. п.: **тоа сж** [л. 128об.] — διὰ ταύτας εἰσι; предлогом **за**: **за еже горѣсно изаго** [л. 73] — διὰ τὸ ἀνώφορον ἐξηρημένον; и падежом с послелогом: **коа ради вины** [л. 31об., 70] — δι' ἣν αἰτίαν; **прохожѣнїа ради** [л. 46об.–47] — διὰ τὴν πρόοδον; **оумнаго ради** [л. 72] — διὰ τὸ νοερὸν; **нѣнынхъ ради поконць** [л. 74об.] — διὰ τὰς ἐν οὐρανῷ λήξεις.

3.2. **тѣ, та, то** в качестве личных местоимений

Греческое местоимение αὐτός в функции личного и притяжательного местоимения 3-го лица часто встречается в трактате Дионисия Ареопажита. В его передаче у старца Исаяи можно наблюдать вариативность. В преобладающем большинстве случаев он переводит αὐτός — и в прямых, и в косвенных падежах — с помощью местоимения **тѣ**, например: **ѿ того вса и в то^М** [л. 8] — ἐξ αὐτοῦ πάντα καὶ εἰς αὐτόν. Всего на лл. 8–22 встретилось 25 таких примеров.

В редких случаях то же местоимение передается Исаяей с помощью славянского **си**, ср.: **гаже тѣла страданїа по едїномъ еже сждити сїа**

почювати вѣрѣж [л. 423об.] — τὰ σώματος πάθη κατὰ μόνον τὸ κρίνειν αὐτὰ διαισθάνεσθαι πιστεύω. Нам встретилось всего три таких примера. В четырех примерах на лл. 8–22 отмечена передача αὐτός с помощью местоимения **и, κ, ια**, например: **по вѣсѣкомъ ел̅ вещьствѣно̅ оудобрени̅** [л. 19] — κατὰ πᾶσαν αὐτῆς τὴν ὑλαίαν διακόσμησιν. За исключением одного такие примеры относятся к местоимению в притяжательной функции.

3.3. Употребление славянских энклитик в соответствии с *μου, σου*

В большинстве отмеченных примеров используются традиционные полные формы местоимений. В силу жанровых особенностей произведений Ареопагита эти формы отмечены в основном в составе цитат: **срд̅ца твоего** [л. 51об.] — καρδίας σου; **ѿ̅ ҃сть мои҃хъ** [л. 101об.] — ἀπὸ τοῦ στόματός μου; **твоего истиннаго вѣслова̅** [л. 424] — τῆς σῆς ἀληθοῦς θεολογίας.

3.4. Coniunctivus prohibitivus

В исследованном тексте конструкция *coniunctivus prohibitivus* встрети-лась только один раз. В цитате из книги пророка Иезекииля она пере-ведена традиционным способом — с помощью императива: **идѣте вѣ град̅ вѣслѣд̅ того, исѣцѣте, и не пощадите ѿ̅чма̅ вашима. кѣ̅ вѣсѣм̅ же на нн̅х̅ же̅ ѣ̅ знаменіе̅ не приближите с̅а** [л. 48об.] — πορεύεσθε εἰς τὴν πόλιν ὀπίσω αὐτοῦ, καὶ κόπτετε, καὶ μὴ φείδεσθε τοὺς ὀφθαλμοῖς ὑμῶν, ἐπὶ δὲ πάντας ἐφ' οἷς ἐστι τὸ σημεῖον, μὴ ἐγγίσητε (ср. Иез 9:5–6). Примеров вне цитат не обнаружено.

3.5. Перевод 2 sg. aoristi

Формы аориста 2 лица ед. ч. в просмотренном нами греческом тексте встретились только дважды — в составе цитаты. При этом аорист оба раза переведен перфектом: **разѣм̅ бѣ̅ вѣ̅ин̅ рече̅ ѿ̅ринжал̅ еси, и вѣслѣд̅ срд̅ца твоего ходил̅ еси** [л. 51об.] — ἐπίγνωσιν γὰρ θεοῦ, φησὶν, ἀπώσω, καὶ ὀπίσω τῆς καρδίας σου ἐπορεύθης.

3.6. Двойственное число

Репрезентативные контексты с употреблением двойственного числа крайне редко встречаются в основном тексте посланий Дионисия Ареопагита. Старец Исайя не согласовывает по числу также глаголы в контекстах со смысловым прономинально-вербальным двойственным числом: **ѡ̅ба̅ [мы] бо̅ тогда̅ вѣ̅ сл̅нч̅ни̅ градѣ̅ вѣ̅конпѣ̅ с̅ще, и вѣ̅конпѣ̅ столице̅ прѣ̅славнѣ̅ сл̅нц̅ лонж̅ припадаемо̅а̅ зрѣ̅х̅омъ** [л. 390об.] — ἀμφοτέρω γὰρ τότε, κατὰ Ἡλιούπολιν ἅμα παρόντε τε καὶ συνεστῶτε, παραδόξως τῷ ἡλίῳ τὴν σελήνην ἐμπίπτουσαν ἐωρῶμεν; **еже̅ припадєніе̅ то̅**

Ѡ въстокъ [мы оба] видѣхѡмъ начинаемо [л. 390об.] — τὴν ἔμπρωσιν αὐτὴν ἐξ ἀνατολῶν ἐωράκαμεν ἀρξαμένην. В первом из двух приведенных контекстов особенно выделяется использование в славянском тексте причастий, относящихся к местоимению **ѡба**, во мн. числе — на фоне двойств. числа в оригинале (**сѡце** — παρόντε, **стоѡце** — συνεστώτε). Однако конгруэнтное двойственное число имеется в цитировавшемся выше контексте (цитате из пророка Иезекииля), где притяжательное местоимение согласовано с формой свободного двойственного числа: **ѡчиѡа вашиѡа** [л. 48 об.] — τοῖς ὀφθαλμοῖς ὑμῶν.

3.7. Формы творительного пад. мн. числа существительных *ῥ-склонения

В тексте Ареопагитик используется флексия **-(ѡ)ми** в творительном падеже мн. числа существительных среднего рода: **ѡбразными знаменми** [л. 8об.]; **зрачными сложенми** [л. 9]; **сѡценными ображенми, творителными сѡценнозданми** [л. 11об.]; **сѡценными гаданми** [л. 14] и т. п. Данный прием используется переводчиком последовательно: в просмотренном тексте существительные среднего рода зафиксированы в творительном мн. только с таким окончанием. Один пример отмечен также в мужском роде: **аггелъми** [л. 50об.] — δι' ἀγγέλων.

3.8. Инфинитивные конструкции

В основной массе примеров греческий инфинитив с артиклем передается с помощью конструкции **еже + инф.:** **есть ѡбѡ** [. . .] **начало, еже просвѣщати сѡ** [л. 63об.] — ἔστιν οὖν [. . .] ἀρχὴ τοῦ φωτίζεσθαι, **самомѡ еже быти и зрѣти виновенъ** [л. 63об.] — αὐτοῦ τοῦ εἶναι καὶ ὁρᾶν αἷτιος; **еже быти** [лл. 85, 190, 192, 192об., 195 bis] — τοῦ εἶναι; **еже сладити сѡ и скръвѣти сѡ** [л. 114об.] — τοῦ ἡδεσθαι καὶ λυπεῖσθαι; **еже саможивотъ быти** [л. 192об.] — τοῦ αὐτοζωῆν εἶναι. В более редких случаях Исайя переводит целевой инфинитив другими средствами: **желаатъ, или яко зрѣти сѡ, или яко двизати сѡ** [л. 135об.] — ἐφίεται ἢ ὡς τοῦ ὁρᾶν ἢ ὡς τοῦ κινεῖσθαι; **самобытїа дарованїе** [л. 195об.] — τὴν τοῦ αὐτοῦ εἶναι δωρεάν; **старѣишѡа въ еже быти** [л. 200об.] — πρεσβεῖα τοῦ εἶναι; **еже быти** [л. 195, 195об.] — τῷ εἶναι; но: **въ еже причаствовати** [л. 195] — τῷ μετέχειν.

В тексте Ареопагитик последовательно используются инфинитивные конструкции-кальки:

— **πρὸς + inf.:** **въ еже быти приведе** [л. 26] — πρὸς τὸ εἶναι παρήγαγεν; **къ еже несмѣреннѣ на^м встати** [л. 80] — πρὸς τὸ μὴ ταπεινῶς ἡμᾶς ἐναπομείναι;

— **διὰ + inf.:** **за еже прѣжде въ тѣхъ бывати, вѣѡначалномѡ ѡсїанїю** [л. 27] — διὰ τὸ πρῶτως εἰς αὐτὰς ἐγγίνεσθαι τὴν θεαρχικὴν ἔλλαμψιν;

— **εἰς τὸ + inf.:** **въ еже тѣмъ единомъ въсѣхъ начало раздѣити** [л. 54]

— εἰς τὸ δι' αὐτοῦ τὴν μίαν ἀπάντων ἀρχὴν ἐπιγινῶναι; **въ еже наѣчити бжвны"мь** [л. 61] — εἰς τὸ μυῆσαι τὰ θεῖα; **ради того въ еже быти сжцимь** [..] **бл҃гости** [л. 88об.] — διὰ τὴν αὐτῆς εἰς τὸ εἶναι τὰ ὄντα [..] ἀγαθότητα; **въ еже хранимаа сна хранити** [л. 105об.] — εἰς τὸ φρουροῦντας αὐτὰ φρουρεῖσθαι; **подвигнж же то въ еже дѣати** [л. 145об.] — ἐκίνησε δὲ αὐτὸν εἰς τὸ πρακτικεῦσθαι; **силж, въ еже разонмѣвати** [л. 216] — δύναμιν εἰς τὸ νοεῖν;

— ἐν τῷ + inf.: **въ еже прснодвизати са прѣбываѣща въ себѣ** [л. 253] — ἐν τῷ αἰεὶ κινεῖσθαι μένοντα ἐφ' ἑαυτοῦ; **но: вънегда движимаа, кѣ себѣ мирѣѣщаа, и такожде имжѣща, дѣати своа** [л. 262об.] — ἐν τῷ τὰ κινούμενα πρὸς ἑαυτὰ εἰρηνεύοντα καὶ ὡσαύτως ἔχοντα δρᾶν τὰ ἑαυτῶν. Отклонений от указанного способа передачи предположно-инфинитивных конструкций не отмечено.

Рассмотрение переводческих приемов старца Исаяи в области грамматики показывает, что он пользуется преимущественно принципами Афонской переводческой школы. При этом переводчик в ряде случаев демонстрирует знакомство и с техникой так называемой Тырновской книжной школы. Последовательно афонским установкам Исаяя следует при передаче предлога *διὰ* с Gen. послелогом *ради* с родительным или беспредложным творительным, а также пользуется специфическим способом передачи конструкции *διὰ* + inf., свойственным афонскому переводу Диатаксиса Филофея Коккина [ПАНОВА 2009: 116]. Важно отметить, что в переводе Исаяи не используется славянская калька запретительного конъюнктива, сохраняется двойственное число и не употребляются славянские клитики в притяжательном значении. В то же время по нормам Евфимиевской переводческой школы старец Исаяя передает *αὐτός* славянским *тъ* (с единичными отклонениями); сочетание *διὰ* с Acc. в большинстве случаев переводит с помощью предлога *ради*.

4. Языковые инновации в переводах и редакциях XIV в.

Проведенное исследование грамматических и синтаксических особенностей текстов, связанных с именем Киприана, показывает, что все памятники существенным образом отличаются друг от друга. Причины различий самые разнообразные. Редакция может иметь неровный объем правки, какой мы наблюдаем в Лествице, где инновации в большей степени охватывают начало текста, а в дальнейшем их введение ограничивается единичными случаями. Имеют значение и особенности текста, на базе которого проводилось редактирование. В качестве базового текста Киприановской псалтыри, видимо, была взята рукопись, содержащая архаичную редакцию, близкую к Синайской псалтыри. Редактирование

проводилось выборочно и непоследовательно, поэтому многие древние чтения сохраняются в исправленном тексте и создают пестроту языковых норм памятника. Также для характеристики языка перевода большое значение имеет и то, является ли текст переведенным впервые или он представляет собой редактуру древнего текста. От этого, как нам видится, зависит последовательность представленных в тексте переводческих приемов. Так, Творения Дионисия Ареопагита являются новым переводом XIV в., и язык этого памятника более единообразен, хотя вариантность переводческой техники в нем представлена тоже. Тексты, отредактированные в XIV в., такие как Лествица и Псалтырь, удерживают старые нормы в тех местах, где внимание справщика ослабевало.

Что касается авторства переводов, то вряд ли можно настаивать на личности Киприана как переводчика или редактора данных текстов. Перевод Ареопагитик, как это видно на основании приписки в рукописи *Гильф.46*, создан старцем Исайей и не имеет к Киприану никакого отношения. Лествица и Псалтырь имеют ряд сходных черт в переводческой технике, но набор этих черт не совпадает полностью. Так, в Псалтыри отсутствуют такие яркие особенности, свойственные киприановским переводам, как употребление местоимений **тъ**, **та**, **то** в качестве личных и местоименных клитик **ми**, **ти**, **си** в качестве притяжательных местоимений. В Лествице последовательно употребляется двойственное число, что нехарактерно для Службеника, переведенного Киприаном в начале 90-х годов XIV в. [АФАНАСЬЕВА 2015], где наблюдается последовательная замена двойственного числа на множественное. Представляется, что атрибуция Киприану исследованных выше текстов основана на специфической графике и орфографии, которыми написаны эти рукописи. Грецизированный полуустав, каким написан автограф Киприана — Лествица, в дальнейшей русской рукописной традиции сильно трансформировался и внешне отличался от “попгерасимова письма” [Костюхина 1987]. Видимо, общий с Лествицей облик двух рукописей, Псалтыри и Ареопагитик, дал основание библиотекарям Троице-Сергиевой лавры для атрибуции Киприану данных манускриптов, о чем почерком XVI в. в *МДА 142* появилась запись: *письмо Кипреяна*.

Описывая инновации в переводах XIV в., необходимо упомянуть, что инновациями в строгом смысле следует считать такие конструкции, которые в древних переводах неизвестны. Ими, несомненно, являются употребление послелога **ради** в качестве предлога, запретительный конъюнктив, субстантивированные инфинитивы с предлогами, а также замена двойственного числа множественным в парных контекстах. Некоторые языковые особенности, ставшие нормой в конце XIV в., были

известны в древних переводах и в дальнейшем отошли на периферию языковой нормы, однако в XIV в. начинается их возрождение. Так, формы творительного падежа мн. числа на *-ъми/-ьми* были весьма характерной особенностью языка древнеславянских служебных миней XI–XII в. Существительные *ѣ-склонения зачастую имеют именно такие окончания: *помыслъми, глаголъми, образъми, аздыкъми, грѣхъми, знаменьми, оученьми* [Пичхадзе 2009: 303–304]. В переводах XIV в. эта норма начинает активно использоваться и представлена во всех исследованных нами текстах, кроме Псалтыри. Она встречается как в афонских, так и в тырновских переводах, однако, в отличие от древних текстов, употребляется преимущественно для существительных среднего рода на *-ние/-ение*. Использование местоименных клитик в притяжательном значении — весьма частотное явление в переводах тех же служебных миней, в Супрасльской рукописи и Саввиной книге [Елкина 1954: 5–13]. В переводах Тырновской книжной школы клитики получают широкое распространение, в частности они регулярно используются в редакциях литургий Евфимия и Киприана [Афанасьева 2004: 97–100].

Исследование показало, что понятия “афонская норма” и “тырновская норма” весьма размыты и не имеют точных границ. Так, например, в переводе старца Исаяи, работавшего в Хиландарском монастыре и, видимо, никак не связанного с Тырновской книжной школой, используются такие “тырновские” нормы перевода, как предлог *ради* и местоимение *тъ* в функции личного. Причем употребление предлога *ради* в Ареопагитиках и в Лествице различается: в первом оно распространяется лишь на *διά* + Acc., во втором — на употребление *διά* с обоими падежами (Acc. и Gen.).

Калькирование инфинитивных конструкций с предлогами является характерной чертой Второго болгарского перевода Иерусалимского устава [Пентковская 2009: 339–340], однако в сербском переводе Ареопагитик регулярно используется этот прием. Конструкция *διά* + inf. в Афонской редакции “Устава Божественной литургии” калькируется, а в редакции Евфимия передается с помощью традиционной модели *такѡ да* + личн. ф. глагола [Панова 2009: 116, 156–157], тогда как в переводах Иерусалимского устава наблюдается обратная картина.

По-видимому, определенную переводческую инновацию не всегда можно надежно связать с тем или иным кругом славянских переводчиков. Различные переводческие решения “кочуют” из текста в текст, потому что книжная деятельность во второй половине XIV в. стремительно развивается, справщики на Афоне и в славянских странах обмениваются правленными текстами для переписывания. При описании языка переводов и редакций XIV в. целесообразней, на наш взгляд,

оперировать теми же критериями, которые в свое время предложила М. Г. Гальченко [2001: 376–382] для описания орфографии русских рукописей XIV–XV вв.: минимальный, средний и максимальный набор орфографических инноваций, использующийся в конкретной рукописи. По аналогии можно выделить максимальный, средний и минимальный набор грамматических и синтаксических инноваций XIV в., отраженных в конкретном переводе. Выявление минимального и максимального наборов инновационных параметров, датировка и локализация текстов, их содержащих, как нам представляется, сможет в будущем привести к систематизации норм церковнославянского языка XIV века — времени, когда начинается новый этап в его истории.

Изученные в данной статье тексты можно распределить следующим образом. Максимальный объем инноваций имеет автограф Киприана — Лествица. Однако инновации по большей части затрагивают ее начальную часть. Не исключено, что Киприан вначале вносил правку в переписываемый им текст, а затем его просто переписывал. Здесь обнаружены: предлог **ради**, местоимение **тъ** в качестве личного, запретительный конъюнктив, местоименные клитики в качестве притяжательных местоимений, формы тв. мн. на **-ъми**, а также кальки греческих субстантивированных инфинитивов. В незначительном объеме в начальной части текста встречается употребление во 2-м лице ед. числа перфектных форм вместо аористных.

Средний набор инноваций имеет перевод Творений Дионисия Ареопажита. На исследованном отрезке текста встречаются: предлог **ради**, формы тв. пад. мн. числа на **-ъми**, местоимение **тъ** в качестве личного, славянские кальки субстантивированных инфинитивов.

Минимальный объем инновационных признаков содержит Псалтырь. В данном тексте находим предлог **ради**, запретительный конъюнктив, перфектные формы во 2-м лице ед. числа и кальку $\acute{\epsilon}\nu\ \tau\acute{\omicron}\ +\ \text{inf.}$ **внегда** + инф.

Введение этих инноваций может быть датировано относительно других инноваций. Так, замена двойственного числа множественным является наиболее поздней. Изученные тексты не содержат правки подобного рода. Видимо, она появляется в последней четверти XIV в., когда Евфимием Тырновским делается перевод Службеника. Напротив, введение предлога **ради** является наиболее ранней инновацией, зафиксированной еще в Норовской псалтыри начала XIV в. и в дальнейшем активно употреблявшейся в разных переводах. Появление запретительного конъюнктива, инфинитивных калек, местоименных клитик, перфектной формы 2-го лица вместо аористой занимает хронологическую середину относительно наиболее ранней и наиболее поздней из инноваций.

Итак, проведенное нами исследование позволяет сделать ряд наблюдений, которые являются пока рабочей гипотезой и имеют предварительный характер. Процесс исправления богослужебных книг и новые переводы христианской литературы в XIV в. носят масштабный характер, в связи с чем обновление норм церковнославянского языка оказывается неизбежным². Нововведения появляются на всех уровнях языка, и этот процесс длится весь XIV век. В начале XIV в. переводы разнятся по переводческим установкам, прежде всего по отношению к формальной передаче языка оригинала. Одни переводы сильно грецизированы в области грамматики и синтаксиса (Чудовский Новый Завет, Норовская псалтырь), другие, наоборот, игнорируют формальные соответствия языку оригинала и вводят в церковнославянский язык региональные формы и лексику (первый сербский перевод Иерусалимского устава). В дальнейшем наблюдается работа по унификации техники перевода и введение определенных формальных соответствий греческому языку. Полный перечень изменений в языке переводов XIV в. еще предстоит установить, однако уже на предварительном этапе исследования видно, что в славянские переводы последовательно вводятся определенные языковые инновации, в том числе и описанные в данной статье.

Библиография

Рукописи

Гильф.46

Российская национальная библиотека (С.-Петербург), Собрание А. Ф. Гильфердинга, № 46, Творения Дионисия Ареопажита, XIV в., см. факсимильное издание [Гольц, Прохоров 2010].

Гильф.48

Российская национальная библиотека (С.-Петербург), Собрание А. Ф. Гильфердинга, № 48, Лествица, сер. XIV в., среднеболгарский извод; описание см. в [СК XIV в.: 527–528].

НБКМ 231

Национальная библиотека им. Кирилла и Мефодия (София), № 231, Служебник Евфимия Тырновского, кон. XIV в.

НБКМ 289

Национальная библиотека им. Кирилла и Мефодия (София), № 289, Синодик царя Борила, XIV в.

НБКМ 675

Национальная библиотека им. Кирилла и Мефодия (София), № 675, Слова Иоанна Схоластика, XIV в.

² Исследования богослужебных книг, проведенные в последние десятилетия в России и за рубежом, показали, что мнение об архаизации церковнославянского языка в XIV в., вошедшее в вузовские курсы по истории русского литературного языка, должно быть существенным образом пересмотрено.

Син.601

Государственный исторический музей (Москва), Синодальное собрание, № 601,
Службник Киприана, XIV в.; описание см. в [ГОРСКИЙ, НЕВОСТРУЕВ 1869: 11–20].

Издания и цифровые копии текстов

Гольц, Прохоров 2010

Гольц Г., Прохоров Г. М., изд., *Дионисий Ареопagit в славянском переводе старца Исаии (XIV век) = Das Corpus des Dionysios Areiopagites in der slavischen Übersetzung von Starec Isaija (14. Jahrhundert)*, Freiburg i. Br., 2010.

МДА 142

Российская государственная библиотека (Москва), Собрание Московской духовной академии (фундаментальное; ф. 173.1), № 142, Псалтырь с воследованием, XV в.; цифровые фотокопии см. на сайте Троице-Сергиевой лавры: <http://old.stsl.ru/manuscripts/>.

МДА 144

Российская государственная библиотека (Москва), Собрание Московской духовной академии (фундаментальное; ф. 173.1), № 144, Творения Дионисия Ареопagита, XV в.; цифровые фотокопии см. на сайте Троице-Сергиевой лавры: <http://old.stsl.ru/manuscripts/>.

МДА 152

Российская государственная библиотека (Москва), Собрание Московской духовной академии (фундаментальное; ф. 173.1), № 152, Лествица Иоанна Синайского (*Киприановская Лествица*), 1387 г., среднеболгарский извод; цифровые фотокопии см. на сайте Троице-Сергиевой лавры: <http://old.stsl.ru/manuscripts/>; описание см. в [СК XIV в.: 541–542].

СИНАЙСКАЯ ПСАЛТЫРЬ

СЕВЕРЬЯНОВ С., изд., *Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI века*, Петроград, 1922.

НОРОВСКАЯ ПСАЛТЫРЬ

ЧЕШКО Е. В., БУНИНА И. К., ДЫБЕ В. А., КНЯЗЕВСКАЯ О. А., НАУМЕНКО Л. А., изд., МИРЧЕВ К., ИВАНОВА-МИРЧЕВА Д., отв. ред., *Норовская псалтырь. Среднеболгарская рукопись XIV века*, 2, София, 1989.

ЧУДОВСКИЙ НОВЫЙ ЗАВЕТ

ЛЕОНТИЙ, МИТР. МОСКОВСКИЙ, изд., *Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия, митрополита Московского и всея Руси. Фототипическое издания*, Москва, 1892.

MIGNE 1857

MIGNE J.-P., ed., *Patrologiae cursus completus. Series graeca prior*, 3: *S. Dionysius Areopagita*, Petit-Montrouge, 1857.

MIGNE 1864

MIGNE J.-P., ed., *Patrologiae cursus completus. Series graeca prior*, 88: *Cosmas Indicopleustes et all. Parisii*, 1864.

Литература

АФАНАСЬЕВА 2004

АФАНАСЬЕВА Т. И., *Славянская литургия Преждеосвященных Даров. Текстология и язык*, С.-Петербург, 2004.

— 2015

АФАНАСЬЕВА Т. И., “Службник Сергия Радонежского и его место среди славянских службеников XIV–XV вв.”, в: *Материалы международной научной конференции “Преподобный Сергий Радонежский: история и агиография, иконописный образ и монастырские традиции”*, Москва, 2015 (в печати).

Гальченко 2001

Гальченко М. Г., *Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. Избранные работы*, Москва, С.-Петербург, 2001.

Горский, Невоструев 1869

Александр Горский, прот., Невоструев К. И., *Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, 3: Книги богослужебные*, 1, Москва, 1869.

Елкина 1954

Елкина Н. М., *Беспредложные конструкции приименных родительных и дательных падежей в старославянских и среднеболгарских памятниках*, Москва, 1954.

Карачорова 1989

Карачорова И., “Към въпроса за Кирило-Методиевия старобългарски превод на Псалтира”, в: *Кирило-Методиевски студии*, 6, София, 1989, 130–245.

Князевская, Чешко 1980

Князевская О. А., Чешко Е. В., “Рукописи митрополита Киприана и отражение в них орфографической реформы Евфимия Тырновского”, в: *Ученици и последователи на Евтимий Тырновски. Втори международен симпозиум, Велико Търново, 20–23 май 1976*, София, 1980, 282–292.

Костюхина 1987

Костюхина Л. М., “Книжное письмо в России в XV в.”, в: *Вопросы славяно-русской палеографии, кодикологии, эпиграфики*, Москва, 1987, 4–10.

Коцева 1971

Коцева Е., “Александрийско-попгерасимово писмо в български ръкописи от втората половина на XIV в.”, в: *Старобългарска литература. Изследвания и материали*, 1, София, 1971, 369–402.

Мострова 1991

Мострова Т., “Към въпроса за Лествицата в славянската ръкописна традиция”, *Старобългаристика = Palaebulgarica*, 15/3, 1991, 70–90.

Панова 2009

Панова С. И., “Диатакис патриарха Филофея Коккина в славянской книжной традиции XIV–XV вв.: лингвотекстологическое исследование” (Дисс. [. . .] канд. филол. наук, Москва, 2009).

Пентковская 2009

Пентковская Т. В., “Восточнославянские и южнославянские переводы богослужебных книг XIII–XIV вв.: Чудовская и Афонская редакции Нового Завета и Иерусалимский типикон” (Дисс. [. . .] д-ра филол. наук, Москва, 2009).

— 2009a

Пентковская Т. В., *К истории исправления богослужебных книг в Древней Руси. Чудовская редакция Нового Завета*, Москва, 2009.

Пичхадзе 2009

Пичхадзе А. А., “О языковых особенностях славянских служебных миней”, in: *Bibel, Liturgie und Frömmigkeit in der Slavia Byzantina. Festgabe für Hans Rothe zum 80. Geburtstag*, München, Berlin, 2009, 297–308.

Погорелов 1901

Погорелов В. А., “Псалтыри”, в: *Библиотека Московской Синодальной типографии*, 1: *Рукописи*, 3, Москва, 1901.

Попова 2010

Попова Т. Г., *Славянская рукописная традиция Лествицы Иоанна Синайского*, Северодвинск, 2010.

ПРОХОРОВ 1988

ПРОХОРОВ Г. М., “Корпус сочинений Дионисия Ареопита”, в: Д. С. ЛИХАЧЁВ, отв. ред., *Словарь книжников и книжности Древней Руси. 2: Вторая половина XIV–XVI в. / 1: А–К*, Ленинград, 1988.

СК XIV в.

ТУРИЛОВ А. А., отв. ред., *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV в., 1: Апокалипсис – Летопись Лаврентьевская*, Москва, 2002.

СОЛОМОНОВСКАЯ 2005

СОЛОМОНОВСКАЯ А. Л., “Словарный состав и переводческая техника славянских ареопагитик” (Дисс. [...] канд. филол. наук, Новосибирск, 2005).

ЧЕШКО 1982

ЧЕШКО Е. В., “Об Афонской редакции славянского перевода Псалтыри в ее отношении к другим редакциям”, в: Е. И. ДЕМИНА, Е. В. ЧЕШКО, Д. ИВАНОВА-МИРЧЕВА, А. МИНЧЕВА, ред., *Язык и письменность среднеболгарского периода*, Москва, 1982, 60–93.

References

Afanasyeva T. I., *Slavianskaia liturgia Prezhde-
osviashchennykh Darov. Tekstologiya i iazyk*, St. Pe-
tersburg, 2004.

Afanasyeva T. I., “Sluzhebnykh Sergiia Radonezh-
skogo i ego mesto sredi slavianskikh sluzhebnykh
XIV–XV vv.,” in: *Materialy mezhdunarodnoi nauch-
noi konferentsii “Prepodobnyi Sergii Radonezhskii:
istoriia i agiografiia, ikonopisnyi obraz i monastyrskie
traditsii,”* Moscow, 2015 (in print).

Cheshko E. V., “Ob Afonskoi redaktsii slavian-
skogo perevoda Psaltyri v ee otnoshenii k drugim
redaktsiiam,” in: E. I. Demina, E. V. Cheshko, D. Iva-
nova-Mircheva, A. Mincheva, eds., *Iazyk i pis'mennost'
srednebolgarskogo perioda*, Moscow, 1982, 60–93.

Cheshko E. V., Bunina I. K., Dybo V. A.,
Kniazevskaya O. A., Naumenko L. A., Mirchev K.,
Ivanova-Mircheva D., eds., *Norovskaia psaltyr'.
Srednebolgarskaia rukopis' XIV veka*, 2, Sofia, 1989.

Elkina N. M., *Bespredlozhnye konstruktivny prim-
imennykh roditel'nykh i datel'nykh padezhei v staro-
slavianskikh i srednebolgarskikh pamiatnikakh*, Mos-
cow, 1954.

Galchenko M. G., *Knizhnaia kul'tura. Knigopisa-
nie. Nadpisi na ikonakh Drevnei Rusi. Izbrannye rabo-
ty*, Moscow, St. Petersburg, 2001.

Goltz H., Prochorov G., Hrsg., *Das Corpus des
Dionysios Areiopagites in der slavischen Übersetzung
von Starec Isaija (14. Jahrhundert)*, Freiburg i. Br., 2010.

Karachorova I., “Küm vüprosa za Kirilo-
Metodievia starobülgarski prevod na Psaltira,” in:
Kirilo-Metodievski studii, 6, Sofia, 1989, 130–245.

Kniazevskaya O. A., Cheshko E. V., “Rukopisi
mitropolita Kipriana i otrazhenie v nikh orografi-

cheskoi reformy Evfimiia Tyrnovskogo,” in: *Uche-
nitsi i posledovateli na Evtimii Türnovski*, Sofia, 1980,
282–292.

Kostiukhina L. M., “Knizhnoe pis'mo v Rossii
v XV v.,” in: *Voprosy slaviano-russkoi paleografii,
kodikologii, epigrafiki*, Moscow, 1987, 4–10.

Kotseva E., “Aleksandriisko-popgerasimovo
pismo v bülgarski rukopisi ot vtorata polovina na
XIV v.,” in: *Starobülgarska literatura. Izsledovaniia i
materiali*, 1, Sofia, 1971, 369–402.

Mostrova T., “Küm vüprosa za Lestvitsata v
slavianskata rukopisna traditsiia,” *Palaeobulgarica*,
15/3, 1991, 70–90.

Pentkovskaya T. V., *K istorii ispravleniia bogo-
sluzhebnykh knig v Drevnei Rusi. Chudovskaia redak-
tsiia Novogo Zaveta*, Moscow, 2009.

Pichkhadze A. A., “O iazykovykh osobennostiakh
slavianskikh sluzhebnykh minei,” in: *Bibel, Liturgie
und Frömmigkeit in der Slavia Byzantina. Festgabe für
Hans Rothe zum 80. Geburtstag*, München, Berlin,
2009, 297–308.

Popova T. G., *Slavianskaia rukopisnaia traditsiia
Lestvitsy Ioanna Sinaiskogo*, Severodvinsk, 2010.

Prokhorov G. M., “Korpus sochinenii Dionisiia
Areopagita,” in: D. S. Likhachev, ed., *Slovar' knizh-
nikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 2/1, Leningrad,
1988.

Severyanov S., ed., *Sinayskaia psaltyr'. Glagoli-
cheskii pamiatnik XI veka*, Petrograd, 1922.

Turilov A. A., ed., *Svodnyi katalog slaviano-rus-
skikh rukopisnykh knig, khраниashchikhsia v Rossii,
stranakh SNG i Baltii. XIV v.*, 1, Moscow, 2002.

доц. **Татьяна Игоревна Афанасьева**, доктор филол. наук
доцент кафедры русского языка филологического факультета
palaeoslavistica@gmail.com

Евгений Геннадьевич Соколов, бакалавр филологии
магистрант кафедры русского языка филологического факультета
pan_liwerij@mail.ru

Миляуша Габдрауфовна Шарихина, магистр филологии
аспирантка кафедры русского языка филологического факультета
justmilya@yandex.ru

С.-Петербургский государственный университет
199034 С.-Петербург, Университетская наб., 11
Россия/Russia

Вячеслав Викторович Козак, магистр филологии, аспирант
wacławk@mail.ru

Гергий Анатольевич Мольков, канд. филол. наук
научный сотрудник
georgiyolkov@gmail.com

Институт лингвистических исследований РАН
199053 С.-Петербург, Тучков пер., 9
Россия/Russia